

Нурлан КАМИ – писатель, драматург, переводчик, ответственный секретарь журнала «Жұлдыз», автор сборников рассказов и повестей «Встреча», «Синие врата», «Снежный человек», «Хан Модэ», «Приключения красавицы Данай» и других. В 2021 году в издательстве «Әдебиет» вышла первая книга романа Ками «Без-временье». Также перевёл повесть «Белое облако Чингисхана», романы «Тавро Кассандры» и «Когда падают горы» Чингиза Айтматова.

ХАН МОДЭ

Киноповесть
(журнальный вариант)

Нурлан КАМИ

Написано на основе летописей Сыма Цяня, жившего в первом веке до нашей эры и прозванного «отцом истории» Китая (в переводе русского исследователя Н. Я. Бичурина).

Прошло почти десять лет с того времени, как военачальник Жёлтого императора Ши Хуаньди, объединившего в огромную империю под названием Срединное царство шесть царств, которые вели бесконечные междоусобные войны друг с другом, – Мын Тьянь изгнал разрозненные племена кочевников, раздробленные на отдельные мелкие удельные ханства с земли их отцов – Ордоса. Ханский престол занял молодой Модэ, с особой жестокостью убивший предводителя гуннов, своего отца хана Тумана. В течение каких-то нескольких лет он подчинил себе соседние кочевые ханства и, отвоевав древнюю, священную родину, обильно орошенную потом и кровью своих предков, основал империю кочевников, время от времени совершая набеги на Китай.

Новый император Китая, свергнувший с престола династию Цинь и основавший династию Хань, несколько раз шёл войной на Модэ и каждый раз терпел от него сокрушительное поражение. «Упрямец, единожды поверженный наземь, жаждет бороться и впредь». Однажды зимой воинственный император сам возглавил свою армию, которая в котловине предгорий попала в окружение к гуннам. В течение семи дней кочевники держали их в снежном, ледяном плену, не давая им никакой возможности прорвать кольцо окружения, пока, наконец, сами, не тронув ни одного из вражеских воинов, окончательно обесилевших от голода и окоченевших от холода, не решили дать им возможность уйти.

В известной нам истории человечества это было единственное и беспрецедентное событие. Взять во время войны в плен самого императора вместе с его армией или же уничтожить их полностью считается выдающимся достижением военного искусства. Но Модэ хотел не этого. Целью хана Модэ, которого все далёкие и близкие народы считали до этого времени кровожадным, было добиться единства своего народа, не позволить неприятелю растоптать ни единой пяди родной земли, но в то же время жить в мире и в ладу с кровным врагом.

Щедрость и гостеприимство современных потомков гуннов – казахов, которые никогда не поддавались отчаянию перед лицом опасности и в лихие годы, и в мирное время, не держали зла на неприятеля подолгу, проявляли великодушие, благородство и милосердие по отношению к врагам, прощая им кровные обиды, нанесённые предкам, с терпением и стойкостью переносили любые невзгоды и до нынешних времён сохранили, по словам замечательно-го казахского поэта Магжана Жумабаева, исконные традиции, мировоззрение и самобытность тюрков, – всё это, вероятно, своими корнями уходит в ту давнюю эпоху. Преклоняясь перед величием славных предков, я желаю, чтобы души наших пращуров, прославившихся своим мужеством и доблестью перед всем миром и вызывавших широтой своей души восхищение и друзей, и врагов, нашли вечное утешение в раю! Пусть они покровительствуют своим потомкам и вдохновляют их на благие деяния. И да примет всемогущий Аллах, создатель восемнадцати тысяч миров, это моё произведение, как молитву и дань уважения духу великих предков. Аумин!

* * *

Утром зимнего дня солнце поднялось над горизонтом на высоту аркана¹. Тридцать всадников с гиканием и улюлюканием мчались по широкой заснеженной степной равнине, преследуя волчью стаю, убегающую к черневшему неподалёку лесу. Двое или трое волков, пронзённые острыми стрелами между лопаток или же прямо в бок, уже лежали на снегу. Смуглый джигит с большими навывкате глазами у самой кромки леса нагнал вожака стаи – арлана и, наклонившись, стегнул его толстой двенадцатиплётной камчой. Тот упал и, перевернувшись, тут же резко вскочил, оскалась, на ноги, а затем молниеносно прыгнул на всадника, который, натянув поводья, с трудом осадил своего коня, неистового рвавшего на скаку удила, и резко его развернул. Джигит привстал, упираясь пятками в стремяна, схватил левой рукой за шею ощерившегося острыми клыками матёрого волка, а правой засунул рукоять камчи по самую глотку в его раскрытую пасть. Глядя в налитые кровью глаза свирепо рычащего степного хищника, отчаянно пытающегося перегрызть рукоять камчи, он громко расхохотался. Потом отпустил камчу, сжал правой рукой его морду, а другой схватил за нижнюю челюсть, пытаясь разорвать пасть. Вот она уже раскрылась достаточно широко. В тот же миг раздался тяжёлый и резкий свист. Джигит, испуганно вздрогнув, резко обернулся назад. Напрягшееся, как струна, тело волка мгновенно обмякло, и он выронил его из своих рук: запрокинутая голова степного хищника с обнажёнными в мёртвом оскале клыками безжизненно упала прямо перед седлом. Коричневая стрела глубоко вошла в лёгкие зверя полностью по самое оперенье. Джигит посмотрел вначале в сторону леса, затем на стрелу и резко обломил её кончик. Тем временем с гиканьем и криками подоспели остальные. Впереди всех на роллом саврасом скакуне со звёздочкой на лбу скакал крупного телосложения темнолицый большеусый джигит.

- Сауга!.. Просим добычу в дар!..
- Просим сауга, повелитель!..
- Сауга!.. Царевич Модэ!.. Сауга!..
- Волка хотим потягать!.. Волка!..

Джигит одной рукой бросил тушу арлана темнолицему, который возбуждённо, громче всех требовал потягать волка, как это делают кочевники с тушей козла во время кокпара. Тот в свою очередь подхватил её одной рукой, с

¹ Так кочевники обозначали самый разгар утра.

громким смехом поднял над собой и, поддав ногами своему коню в бока, нетерпеливо рвавшему удила, поскакал во весь опор. Его тут же настиг рыжий рослый джигит, даже верхом на коне казавшийся чересчур высоким, и хотел было вырвать тушу арлана, как темнолицый тут же молниеносно перебросил её на правую сторону. А когда и с этой стороны подоспел второй преследователь, то он перебросил тушу на левую сторону. Начался настоящий переполох...

Тем временем чуть поодаль несколько воинов сдирали шкуру с убитых волков. Один из всадников спешил, содрал шкуру с головы и передних ног зверя, отрезал по голень его задние ноги и бросил тушу двум другим всадникам. Как только первый затянул конец чембура на волчьей шее, второй крепко ухватился обеими руками за кусок шкуры с головы, поддал ногами коню в бок: вся шкура мгновенно и свободно содралась с хищника. Оба всадника не скрывали своего восторга. Первый, у которого на конце чембура висела освежёванная таким образом туша, высвободил её из петли и, бросив её третьему, спешившемуся товарищу, крикнул:

– Эй, вырежь-ка мне его желчь. У меня сын болен, помажу ему пятки.

– А член его тебе не отрезать?

– Ха-ха-ха!.. Себе его возьми. Завялишь, а когда жена твоя будет беременной, дашь покушать: дерзкого и отчаянного сына тебе родит.

Участники необычного кокпара продолжали рвать тушу жожака волчьей стаи. Модэ с большеусым медленным шагом ехали на конях по лесу. Обезьяная непроходимую чащу, они увидели юную красавицу с выразительными горящими глазами и остановились. Она была верхом на чубарой кобыле и держала в руке лук. Модэ поддал коню в бок и подъехал к девушке. Большеусый остался на месте.

– Здравствуй, девица-красавица! – поприветствовал её Модэ и вручил ей обломок стрелы с опереньем.

– Здравствуй, благородный джигит.

Рассердившись, что его не признали, Модэ заорал на неё:

– Ханзада² Модэ!

Кокетливая улыбка, блуждавшая до этого на лице девушки, сменилась испугом и расстерянностью. Она быстро спрыгнула с коня, припала на колени и склонилась перед ним в почтительном поклоне. В глазах её читались испуг и мольба одновременно.

– Покорно повинуюсь, мой повелитель... Прости несчастную рабыню.

– Встань!

Она с трудом поднялась с места, приложила обе руки к груди и склонилась перед ним свою голову.

Модэ резко вытащил одну из коричневых стрел, торчавших из колчана за спиной у девушки, повертел её перед глазами, затем снял лук, прикрепленный к поясу, и стал искать глазами какую-нибудь цель. Большеусый тут же снял с головы малахай, сдёрнул платок, которым была обвязана его бритая голова, и подбросил его в воздух. Модэ резко повернулся и натянул тетиву. Взвившаяся вверх с пронзительным свистом стрела мгновенно пронзила платок и прибила его к стволу ближнего дерева. Модэ опять повернулся к девушке.

– Кто изготовил эти стрелы?

– Отец... Он служит в кузнице Ханиема³.

– Сколько сыновей у твоего отца?

² Потомок хана.

³ Буквально, «Владыка, мой хан».

– Мы живём с ним вдвоём. Трое моих старших братьев погибли в битве под Ордосом. А мать угнал в рабство Мын Тхян.

Модэ тут же развернул коня и двинулся в обратную сторону. За ним последовал большеусый. Девушка с влажными от набухших слёз глазами, держа коня на поводу, проводила их долгим взглядом.

Ханская ставка располагалась на широкой ровной площадке у предгорий и состояла из полусотни юрт высотой в семь-восемь метров. Перед дворцом хана Тумана на высоком деревянном шесте возвышалось знамя, окаймлённое девятью конскими хвостами. По обе стороны дубовой двери, украшенной резными узорами навывтяжку, по стойке смирно стояли два жасаула⁴ с копьями в руках. По ту сторону двери и у входа в тронный зал также стояло по двое стражников. Стены сплошь покрывали шерстяные ковры. Сразу же за пологом по обе стороны возвышались на подставках адалбаканы⁵, увешанные верхней одеждой. Полы были устланы дорогими шерстяными коврами с ворсом толщиной по щиколотку, на них были наброшены мягкие подстилки из выделанных медвежьих, волчьих, барсовых, лосиных и прочих звериных шкур. В самом центре зала на золотом троне восседал хан Туман. Справа и чуть пониже от него стоял Модэ. По левую сторону – юноша лет пятнадцатилетнего, внешне похожий на китайца. Ниже Модэ сидел правитель Кушана. Он, так же как и хан Туман, был одет в торжественные роскошные одежды. Рядом с ним несколько его личных гвардейцев-нукеров. Прямо напротив него расположились советники и военачальники Тумана.

– На этом и завершим наши переговоры, – изрёк Туман. – Мы, гунны и кушанцы, издавна являемся соседними и братскими народами. Так прекратим же с нынешнего дня наши распри. Чего нам не хватает? Нам следует жить в мире и родстве друг с другом. Вот моё слово.

Хан Кушана, поглаживая бороду ладонью, посмотрел на Тумана с лёгкой улыбкой.

– Хан Туман, по благоволению Вечного Синего Неба – Тенгри каждый из нас стал ханом своего народа. Хан не говорит безосновательных слов и не нарушает их. Мне тоже по нутру твои слова о мире и родстве между нами. Но всё же у каждого решения, как колышек у привязи, должно быть основание. Так подкрепи своё решение и отдай мне в качестве аманата своего сына, чтобы служил он залогом дружбы и согласия между нашими народами. Если я его и не буду содержать лучше, чем своего сына, то уж никак не хуже.

Стоявший слева от Тумана младший сын побледнел и бросил вопросительный взгляд в сторону отца. Тот попеременно посмотрел на одного, потом на другого из своих сыновей, затем решительно произнёс:

– Младший сын мой ещё молод, в качестве аманата с тобой пойдёт прямой наследник трона – Модэ.

Модэ, всё это время сидевший с горящими глазами и внешне безучастный к происходящему, мигмом привстал с места на одно колено и, приложив руки к груди, склонил в поклоне свою голову.

– Покорно повинуюсь тебе, Ханием!

Туман с отеческой любовью посмотрел на Модэ и продолжил дальше:

– Пусть завтра же в честь отъезда гостей будет устроен пир.

⁴ Исполнитель поручений при военном командующем; почётная охрана во время официальных церемоний.

⁵ Адалбакан – стоячая вешалка для одежды, изготовленная из сучковатого дерева.

Все присутствующие приложили левую руку к груди и почтительно склонили головы.

* * *

Буранной ночью пятеро всадников подъехали к пикету и спешили с коней. Большеусый бросил поводья пикетчику, открывшему ворота после долгих настойчивых стуков рукоятью камчи, и прошёл к деревянному домику, в окне которого горел свет. На деревянном топчане сидели двое воинов и играли камчой в незатейливую игру, целью которой было первым, попеременно переставляя кулаки по рукояти, дойти до конца. Кто первый заканчивал, тот и ставил другому щелчки по лбу. Когда вдруг резко открылась дверь и внутрь вошли путники, то игравшие переглянулись друг с другом, вытаращив глаза, словно вопрошали друг у друга, кто же это, затем вскочили с места и стали освобождать топчан.

– Проходи на почётное место⁶, Шанрык-батыр.

– Проходите.

Шанрык скользнул взглядом по растерянно стоявшей парочке и камчой указал спутникам в сторону топчана.

– Располагайтесь.

Сам же рукоятью камчи толкнул дверь во вторую комнату и вошёл туда. На топчане кто-то лежал к нему спиной. Взяв одну из лампад, Шанрык приблизил её к лицу спящего. Это оказался узколицый, с густой чёрной бородой пожилой, лет пятидесяти-шестидесяти, человек.

Пикетчик отвёл лошадей в конюшню, привязал их к коновязи, распустил подпруги на сёдлах, освободил удила и, наложив им в ясли сена, забежал в дом, дрожа от холода. Увидев выходявшего из дальней комнаты Шанрыка, угодливо залебезил перед ним:

– Сейчас подам кушать, еда уже готова, сейчас согрею.

– Покушаем утром. Ты нам приготовь постель. Кто это у тебя там?

– А-а, да это набожный человек. Родом из Тибета, странствующий праведник, бродит по белу свету, ночует, где придётся.

– Этим двоим, – он указал на отца с дочерью, сидевших на краю топчана, – постелишь рядом с ним. – Затем обратился к отцу девушки: – Эй, кузнец, ты с дочерью ляжешь в той комнате. Мы будем отдыхать здесь.

Сняв с себя малахай и купи⁷, повесил их на адалбакан. Пикетчик взял несколько мягких подстилок из выделанных звериных шкур, лежавших поверх постельных принадлежностей, возвышавшихся в углу. Часть бросил на топчан, а пару зажал под мышки и прошёл в дальнюю комнату. Спустя некоторое время он вышел оттуда и, поклонившись в пояс, доложил:

– Готово, Шанрык-батыр.

– Идите, отдыхайте, – приказал батыр отцу с дочерью, которые сидели, понуро повесив головы. Пройдя в дальнюю комнату, девушка сняла с себя верхнюю одежду, расплела косы, и волосы её густой волной упали на плечи. Дочь и отец оглянулись по сторонам и легли спать.

Спустя некоторое время раздался раскатистый храп Шанрыка-батыра, словно приглашая остальных воинов ложиться спать. Один из двух его спутников через некоторое время приподнял голову и осмотрелся по сторонам.

⁶ Почётное место – тор обычно находится напротив входной двери, чтобы гость мог видеть, кто входит в дом. Этим самым кочевники давали возможность гостю чувствовать себя более уверенно и непринуждённо.

⁷ Верхняя одежда с подкладкой из верблюжьей или овечьей шерсти или шкур.

Ниже них на топчане примостились пикетчик и двое стражников. Сопровождавший Шанрыка воин осторожно, чтобы не разбудить остальных, слез с топчана, на цыпочках прошёл к дальней комнате и стал прислушиваться. Затем ещё раз обвёл взглядом воинов и, убедившись, что все уже спят крепким сном, бесшумно открыл дверь дальней комнаты. Подойдя к спящей девушке, он погладил её по лицу. Девушка открыла глаза. Проказник приложил палец к губам и попытался её обнять и поцеловать. Девушка стала отбиваться от него:

– Уйди отсюда! Не подходи!

– Успокойся, красавица. Послушай меня.

– И слушать тебя не стану. Убирайся, не то закричу.

Джигит зашептал, задыхаясь от возбуждения:

– Хочешь целомудренной попасть в объятия Модэ? К чему ему твоя невинность! Самое большее день-другой порезвится с тобой, и всё.

– А тебе что до этого! Чем отдаться такому безродному, как ты, пусть лучше он надругается надо мной!

– Ты только посмотри на неё! – удивлённо шепнул ей джигит. – Выходит, ты у нас родовитая? Ишь, тоже мне знатная госпожа!

– Пошёл вон!

Голос девушки прозвучал громко, и бедолага поплёлся восвояси. Выходя, он обернулся назад. Девушка, не вставая с постели, стала поправлять волосы и приводить в порядок свою одежду. Бедняга перевёл взгляд на отца девушки. Из-под закрытых глаз несчастного отца, чью честь победил страх, струились слёзы.

* * *

Хан Туман и кушанский хан вместе со своей личной охраной – нукерами на широком и просторном выгоне для выездки жеребцов, расположенном перед конюшнями и длиной в одну лошадиную побегу, осматривали чистокровных скакунов. С ними был и Модэ.

– Для гуннов нет животного более почитаемого, чем конь! – воодушевлённо рассказывал хан Туман. – Здесь содержатся пятьдесят моих скакунов, на которых не ездил никто, кроме меня. И среди них самыми ценными для меня являются только двое. Один из них этот гнедой.

Среди всей этой толпы верховых лишь одни конюшие носились по выгону пешими. Вот они быстро накинули узду на огромного гнедого жеребца и вывели его на середину. Гнедой, кажется, мог бы безо всяких усилий выдержать вес и десяти Туманов. Вот он грациозно совершил круг по всему выгону и даже не посмотрел в сторону глазеющих на него людей.

– Я его не седлаю, когда выступаю в поход, – продолжил хан Туман. – Веду его за собой на поводу и сажусь на него только во время битвы. Из многих единоборств и длительных сражений я выходил целым и невредимым лишь благодаря ему. Сейчас он до того смиренный и спокойный – ударь в барабаны у него прямо над ухом – даже не пошелохнётся, но во время боя он становится бешеным, как самец верблюда во время случки. Не раз он грыз шею вражеских коней, а бывало, куснёт неприятельского всадника прямо в бедро и стаскивает с коня.

– Пах⁸!.. Пах!..

– Да это же слон, а не конь!

– Да что ему слон, он и слона загрызёт!

⁸ Междометие, выражающее восхищение, удовольствие, как и восклицание «ах!».

– Загрызёт! А почему бы и нет!

– Разумеется! Разумеется загрызёт!.. – наперебой восклицали нукеры.

– Да, хан Туман, ты воистину счастливый человек, раз тебе довелось сражаться верхом на таком боевом коне! – с искренним восхищением воскликнул кушанский хан.

– А второй – тулпар Акбоз⁹, пятьсот шакрымов¹⁰ без усталости покрывает. Вот на нём-то я и выступаю в ближние и дальние походы. Когда другие кони уже валяются загнанные в пыли, у Акбоза даже подмышки не потеют.

Конюшие вывели светло-серого, с глазами как у свирепого льва жеребца. Он вставал на дыбы, показывая буйный и норовистый характер, а двое здоровенных, мощного телосложения джигитов с трудом справлялись с ним. Но стоило хану Туману спешиться, подойти к жеребцу и ласково похлопать по шее, как тот, признав хозяина, заржал и тут же успокоился.

– Пах!.. Пах!.. Пах!..

– Никого, кроме хозяина, к себе не подпускает! благородное животное.

– В благородстве его сомнений нет, но всё же дух Ханиема над ним довлеет, – дружно обсуждали происшедшее нукеры.

– Это и есть знаменитый Цяньлима! – воскликнул кушанский хан, не скрывая своей зависти. – Говаривали, он стоит всех богатств целого народа. Оказывается, это правда!

– Сплюнь, кушанский хан, – слегка улыбнулся Туман. – Духи твоих предков сильны, ещё сглазишь моего коня.

– Тьфа! Тьфа! – сплюнул тот. – Воистину счастливый ты человек, хан Туман! Два твоих аргамака – два твоих крыла. О чём ещё можно мечтать в сей бренной юдоли?!

Туман от души рассмеялся, хлопнул по крупу Акбоза, быстро подошёл к гостям и, едва приняв из рук конюшего повода, резво вскочил на своего выездного коня. Остальные последовали за ним из выгона в степь.

Полуденной порой белоснежный, девственно чистый снег глубиной по щиколотки, переливаясь на солнце сверкающими серебристыми крупинками, радовал глаз. На открытой площади у подножья холмов гунны праздновали той. В нескольких местах на вырытые загодя земляные очаги поставили казаны. Возле очагов уже хлопотали женщины в остроконечных высоких головных уборах, надетых поверх кимешек¹¹, а возле них верхом на иноходцах с косынками на головах и в коротких одеждах носились джигиты. Последние должны были доставлять в больших чашах еду гостям в юртах, находящихся на приличном расстоянии от этих своего рода «полевых кухонь».

– О многом ещё приходится мечтать, – с задумчивой грустью произнёс Туман, поглядывая на поравнявшегося с ним кушанского хана. – Мечтал я ещё раз встретиться в кровавой битве с Мын Тьяном, который согнал нас с земли наших отцов – горы Ордос... Да вот жаль, ходят слухи, что он руки на себя наложил.

При слове «Ордос» Модэ вдруг вздрогнул и вперил в отца пристальный взгляд. Хан Туман не заметил этого и продолжил разговор дальше:

– Сразу же после кончины Жёлтого императора – Ши Хуанди враги бросили его в темницу, а он, видимо, не выдержал этого унижения... Был бы он

⁹ Кочевники зачастую давали клички своим коням по их масти. Здесь Акбоз – светло-серый.

¹⁰ Расстояние, на котором может быть услышан человеческий голос.

¹¹ Старинный женский головной убор из белой материи, иногда с вышитым узором по овалу лица, закрывающий волосы, шею и уши.

жив и возглавлял китайскую армию, я бы попытался сразиться с ним ещё раз, пусть даже заранее зная, что проиграю битву. А ты считаешь, что я уже достиг предела своих мечтаний. А разве нет мечты более заветной, чем умереть, по-идавав напоследок землю своих предков?!

Модэ стиснул зубы и покачал головой.

– Если решишь воевать с китайцами, я готов выступить с тобой плечом к плечу, – сказал кушанский хан, не отрывая своего взгляда от хана Тумана. Тот тяжело вздохнул и покачал головой.

– Нет, кушанский хан. Китайский дракон и тебя, и меня одним махом проглотит и при этом даже не поперхнётся. Так что не стану я себя науськивать и тебя подстрекать на это не стану. Всему своё время.

К ним подъехали несколько верховых во главе с почтенным аксакалом, который поприветствовал их:

– Пусть за тоем следует той, Ханием!

– Тенгри кут¹²! – ответил на приветствие хан Туман.

Остальные дружно стали повторять за ним:

– Да благословит нас Тенгри!

– Тенгри кут!

Стоило произнести это пожелание, как тут же забили-застучали дауылпазы¹³, заиграли-затрубили сырнай¹⁴ и керней¹⁵, возвещая о начале тоя. И тут на середину верхом на коне выехал раздетый по пояс здоровенный рыжий джигит со сверкающей на солнце выбритой наголо головой и закричал:

– Отцом любой борьбы и схватки является аударыспак¹⁶! А ну-ка, кто из вас выйдет на поединок?

– Эй, кто этот хвастун?

– Я выйду! – выступил из толпы круглолицый, кровь с молоком, красивый молодой джигит. Конь его нетерпеливо бил копытами по снегу. Он расстегнул пояс, снял с себя лисий малахай, чекмень и камзол, передал это всё своим товарищам и с ходу ринулся на рыжего соперника.

– Будь осторожен, бауырым¹⁷! – кичливо и самоуверенно обратился к нему рыжий великан.

– А ты тоже не зевай!

Они крепко сцепились друг с другом, да так, что казалось, прилипли внутренними сторонами коленных суставов к сёдлам своих скакунов. Слышно было, как от напряжения затрещали их суставы, как заскрипели их зубы и захрустели челюсти. Сила хватки у обоих была до того невероятной, что кони под ними завертелись-закружились по кругу. При этом голени их тряслись в мелкой дрожи, а ноги подогнулись, словно от страшного груза. В этот миг, когда конь и человек, казалось, слились в единое целое, вполне объяснимо, куда восходят своими истоками мифы античных греков о кентаврах. В толпе поднялся невообразимый шум и гам.

– Тяни его, тяни на себя!

– Да встряхни же его как следует!

¹² Да благословит нас Тенгри!

¹³ Дауылпаз – маленький барабан с одним дном, обтянутый сыромятной кожей.

¹⁴ Сырнай – небольшой духовой инструмент в виде трубы, издающий мелодичные звуки.

¹⁵ Керней – большая длинная медная труба.

¹⁶ Название игры, в которой всадники стараются свалить одного с лошади, сцепившись руками, как в армрестлинге.

¹⁷ Дорогой, родной, братишка.

– Скрути и вали!

Ханское окружение не стало дожидаться, чем закончится этот поединок, и проследовало дальше, туда, где в самом разгаре шла схватка палуанов-борцов. Прямо посреди небольшого с утрамбованным снегом пятачка, босиком, без головных уборов, в нательных рубахах и подштанниках, задранных по колена, отчаянно сцепившись друг в друга чуть ли не мёртвой хваткой, боролись шумно и воодушевлённо подбадриваемые обступившей их со всех сторон огромной толпой двое здоровенных джигитов. Пояса из китайского шёлка, которыми они обвязали свои могучие торсы, трещали, вот-вот, казалось, готовые разорваться на куски. Каждый из верзил обильно обливался потом, стараясь притянуть другого к себе, пытаюсь поднять, то рвя на себя, то мотая из стороны в сторону, ревя и чуть ли не мыча при этом низким басом, словно два дерущихся быка. Вдруг неожиданно один из них поднял другого над собой, завертел и перебросил его через себя с такой силой, что тот гулко упал наземь всем телом, натужно застонал и отчаянно замолотил кулаком по снегу, признавая себя побеждённым. А победитель тем временем, радостно улыбаясь, преисполненный гордого достоинства, перешагнул через его голову.

Хан Туман слегка пришпорил сапогами коня и обернулся к кушанскому хану:

– Теперь полюбуемся меткостью мергенов¹⁸.

– Мастерство гуннских мергенов всегда приводило врагов в трепет и вызывало восхищение у друзей, хан Туман. Что ж, давай посмотрим.

Группа всадников во главе с ханом подъехали поближе к пёстрому высокому столбу, возвышавшемуся неподалеку. Народу собралось – яблоку негде упасть. Только в окружности ста шагов вокруг столба было пусто. Распорядитель состязаний лёгкой нарысью подскакал на светло-сером коне к ханской группе и резким, отрывистым голосом обратился к вождю своего народа:

– Разрешите начать состязание, Ханием!

Хан Туман взмахнул правой рукой, давая тем самым понять, что разрешение дано. Распорядитель состязания так же лёгкой нарысью въехал на середину стрельбища.

– Храбрые воины гуннов! – отрывистым голосом он обратился к толпе, приподнимаясь на стремянах всем телом. – Наш Повелитель – хан Туман, избранный ханом по благословию самого Создателя Вечного Синего Неба – Тенгри приглашает вас насладиться состязанием мергенов. Есть ли среди вас сорок мергенов, верящих в свои зоркие глаза и сильные руки?

– Есть!.. Есть!..

– И сорок тысяч мергенов найдётся!

– Есть!.. – зашумел со всех сторон народ.

– Если есть среди вас таковые, расступитесь. Каждый мерген, подойдя ко мне, должен отстегнуть тетиву от лука. Если будет поднято красное знамя, значит, ему улыбнулась удача, а если поднимется чёрное, то пусть возвращается к собравшимся. Сегодняшний главный приз – ханский жамбы¹⁹! Первая попытка – стрельба с сотни шагов.

Распорядитель соревнования, гарцуя на коне, стал медленно наезжать на толпу, чтобы она расступилась в разные стороны на двадцать-тридцать шагов в ширину. Он въехал в образовавшийся просвет и отмерил расстояние между точкой стрельбы и пёстрым столбом.

18 Мерген – стрелок, охотник.

19 Приз в виде слитка серебра или золота, достававшийся тому, кто сбивал его при состязаниях в стрельбе. По правилам всадник на коне сбивает выстрелом из лука жамбы, установленный на высоком столбе.

– Угадал в самый раз!

– Ровно сто шагов!

– Хотя рука у тебя не действует, глазомер не подвёл! – одобрительно зашумел народ.

– Не распускай свой язык, джигит! – гневно крикнул он кому-то, глянув на того с укоризной. – Хоть рука моя не в состоянии натягивать лук, зато хорошо владеет другим оружием. Не веришь? Возможно, поверишь, когда я разрублю твою непутёвую башку пополам или же воткну копьё прямо в глотку?

– Я ведь забавы ради, мынбасы²⁰, – ответил ему обидчик. – Не сердись на мою шутку, сегодня той, а на нём даже с ханом здороваться не обязательно.

Хан Туман повернулся к кушанскому хану и рассказал о распорядителе состязаний:

– Он в своё время был прославленным мергеном, пока в одной битве ему не перерезало сухожилие на правой руке. С тех пор она у него плохо сгибается и он не может натянуть тетиву лука. И всё же ни одно состязание не проходит без его руководства.

– Слышал, – поддержал его тот. – Не тот ли это знаменитый мерген, который однажды на поединках перед боем своими калёными стрелами поразил подряд трёх врагов прямо в яблочко?

– Да, тот самый. – Хан Туман отвлёкся, наблюдая за ходом состязаний. – Пах! Просто чудесно, настоящий мерген!

Огромный, могучего сложения джигит, миг назад вонзивший свою стрелу в центр тоненькой материи из полосатой бязи, распущенной по всей длине пёстрого столба, проскакал по инерции на полном скаку и, осадив коня, обернулся назад. В руках распорядителя состязаний мелькнул красный флажок. Тут же промчался, выпустив стрелу, и второй участник. Вновь был поднят красный флажок. Толпа зашумела-загалдела.

– Пусть за тоем следует той, Ханием!

На приветствие Шанрыка все дружно ответили:

– Тенгри кут!

Шанрык незаметно от других склонил голову в лёгком поклоне Модэ, стоявшему в самом краю ханского окружения. Тот тоже ответил ему поклоном, и они стали отдаляться в сторонку от остальных.

– Привёз?

– И отец, и дочь здесь.

– Приглядывай за ними чутко. О стреле не должна знать ни одна живая душа! Да и они пусть об этом не заикаются.

– Повинуюсь покорно.

– Ни одна живая душа! Ты понял?

Шанрык пытливо посмотрел на Модэ.

– Отец отдаёт меня кушанскому хану в качестве аманата. Кто знает, как долго я там пробуду. Хочу передать под твоё начало тысячу своих воинов. Если Тенгри поддержит меня, то вернусь, если нет, то, значит, такова воля Вечного Синего Неба!

Теперь Шанрык посмотрел на него с пониманием.

– Весной уходите в горы. Дальше жди вестей от меня.

– Казахами²¹ уйдём?

– Нет. Найдёшь для этого повод сам.

²⁰ Командующий тысячью воинами, тысячник.

²¹ Казах – вольный, свободный человек, не подчиняющийся никому, не входящий в состав никакого ханства.

Оба неспешным шагом направились к ханскому окружению.

– Будь осторожен, мой повелитель.

– Молись, чтобы Тенгри поддержал меня.

Когда они вернулись назад, завершилась первая часть состязаний мергенов. Тем временем какой-то джигит на коне, привстав на стременах, не прикасаясь к стрелам, вонзившимся в полосатую полоску материи, стал выдёргивать из столба те, которые пролетели мимо цели, а потом пересчитал оставшиеся на пёстром столбе.

– Двадцать семь, – сказал он, обернувшись к распорядителю состязаний. Затем резко опустился на седло, поддал коню шенкеля и присоединился к толпе. Распорядитель объявил о начале второй части состязаний.

– С первой попыткой справились двадцать семь джигитов. Теперь вторая попытка – стрельба с восьмидесяти шагов.

Жасаулы развернули пёстрый столб так, чтобы вонзившиеся в него стрелы встали перед участниками стержнями поперёк. Джигит, первым справившийся с предыдущей попыткой, срезал своим выстрелом прямо под корень самую верхнюю из стрел, нанизанных на столб, словно тонкие прутья. Народ одобрительно загудел. Второй, третий, четвёртый участники промахнулись.

Модэ подъехал к отцу поближе и хотел было обратиться, но тот выставил правую руку ладонью к нему, давая знать, чтобы тот подождал. Стрела тонкоусого джигита, приблизительно одного с Модэ возраста, сбила торчавшую после первой попытки стрелу и вонзилась на её место. Народ оживлённо загудел. Сейчас и хан Модэ испытывал чувство гордости и не скрывал своего ликования.

– Вот кто истинный мерген! – воскликнул он восхищённо.

Промахнулось сразу же нескольких следующих участников.

Только после этого хан Туман обернулся к Модэ:

– Что ты хотел сказать мне, мой сын?

– Хотел бы обратиться к тебе с прошением, Ханием.

– Говори.

– Не мог бы ты назначить до моего возвращения мынбасы моей тысячи батыра Шанрыка?

Хан Туман посмотрел вначале на сына, потом на Шанрыка, стоявшего за ним, и, слегка улыбнувшись, сказал:

– Я выполню твою просьбу, сын мой. Если хочешь, пусть твоя тысяча остаётся с моими отборными воинами.

– Нет, Ханием. Пусть тысяча остаётся моим личным войском.

Хан Туман посмотрел на сына пытливым взглядом:

– Да будет так, мой сын.

Мергены завершили свою вторую попытку, и распорядитель велел передвинуть отметку, с которой следует стрелять, ещё на двадцать шагов ближе к пёstromу столбу и объявил во всеуслышание:

– К третьей попытке допущены шесть мергенов, – а затем, повернув голову в сторону своих помощников, приказал: – Приведите пленных!

Жасаулы пригнали шестерых из десяти пленных, привязанных неподалёку к овцевязи. Одежда на пленниках была лёгкой, сами же они были босыми, с непокрытой головой.

Распорядитель обратился теперь к ним:

– Насколько отважен и свиреп в набегах и битвах героический народ гуннов, сотворённый самим Тенгри, настолько он великодушен и милосерден в мирное время. Сейчас вы пройдёте испытание, которое вам устроят мергены. Каждый из вас, кто избежит смертельной стрелы, будет освобождён и полу-

чит коня. Уедет ли он на свою родину или же станет рядовым воином гуннской армии – решать ему самому. Вы поняли?! Начинайте!

Помощники распорядителя состязаний вывели самого крайнего пленника и плотно привязали его от ног до пояса к столбу. Затем к доске, прибитой с тыльной стороны, арканом крепко-накрепко привязали его руки, а заодно и тело выше пояса до груди, да так, чтобы он не мог и дёрнуться. На голову надели круглый колпак из войлока с пришитым к нему длинным узким ремешком из сыромятной кожи, который обмотали вокруг столба и стянули узлом прямо на лбу. Другим ремешком стянули рот, обмотав его так же вокруг столба. Теперь бедняга не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой, ни телом, ни головой. Глаза несчастного выражали одновременно испуг, страдание и мольбу о пощаде. Один из помощников установил на его темени медное кольцо, в которое свободно проходит большой палец руки. Распорядитель дал рукой отмашку. Первый участник взял с места в карьер, на полном скаку подлетел к отметке, от которой до цели шестьдесят шагов, и выстрелил из лука. Мгновение спустя почти одновременно раздалось шипение летящей стрелы и звон меди. Оказывается, стрела, с глухим стоном вонзившаяся в столб, пробила ободок кольца, и вот оно, звеня, вращается вокруг стержня вибрирующей стрелы и соскальзывает с неё в утрамбованный снег прямо к ногам пленника. Раздался оглушительный смех толпы. Распорядитель вскинул вверх чёрный флажок, и два остряка в толпе начали высмеивать промахнувшегося мергена.

– Пах, вот так стрелок!..

– Надо же, разбил напополам, наверное, как и своё обручальное кольцо!

– Ну и толстая же у него стрела, раз кольцо разорвало!

– А как жена сносит его собственную стрелу!

– Ха-ха-ха-ха-ха!..

Помощники распорядителя освободили пленника и отвели его к дюжине лошадей, стоявших на привязи без сёдел и сбруи.

– Выбирай любую!

Пленник, испуганно таращась по сторонам, нервно посмеивался надрывным смехом. От балагуров из толпы досталось и ему:

– Эй, оставайся здесь! Отдам тебе свояченицу, свояками станем.

Его подначивал второй:

– А сколько ей лет?

Тут ещё встрял и третий остряк:

– Лет семьдесят, наверное?

– Нет, совершеннолетняя, гуляет в кожаном мешочке между ног у моего тестя.

– Ха-ха-ха-ха-ха!..

Помощники привели и привязали к столбу следующего пленника. Стрела второго мергена воткнулась на толщину двух пальцев выше кольца, и снова в воздухе мелькнул чёрный флажок. У привязанного к столбу пленника из глаз потекли слёзы. Толпа вновь зашумела:

– Наверняка он взглядом стрелы сбивает.

– Лоб у него гладкий, стрела и соскользнула.

– Ха-ха-ха-ха-ха!..

– А может, он заговорил кольцо!

– Вон оно что, выходит, мерген здесь ни при чём.

– Ха-ха-ха-ха-ха!..

Освобождённый пленник, всё ещё плача, отвязал одного из коней, миглом вскочил на него, завертелся-закрутился на нём на одном месте и стал осыпать толпу угрозами и проклятьями:

– Эй, гуннские выродки! Встречусь с вами на поле брани, все кишки выпущу! Я вам покажу ещё, гады!

Выкрикнув это, он тут же и ускакал.

– Эй, тебя что, взяли в плен, когда ты свататься к нам приезжал?

– Передавай привет жене, я сам возьму её в качестве токал²².

– И дочь свою отдай в придачу!

– Позаботься о матери, и она на что-нибудь сгодится!

– Ха-ха-ха-ха-ха!..

Стрела третьего мергена угодила прямо в ремешок, которым перетянули лоб очередного пленника. Глаза жертвы вылезли из орбит, из ушей и носа ручьями заструилась кровь, а кровь, хлынувшая из пробитого лба, залила всё лицо. Судорога резкой волной прокатилась по всему телу несчастного пленника, и он испустил дух. Толпа недовольно загудела:

– Ну и ну, удалец!..

– Грозный батыр, даже связанного врага не пожалел!

– Подвела стрела нашего молодца!

– Ха-ха-ха-ха-ха!..

– Мог бы подпорку к стреле приставить!

– Так и поступай, когда на стрелу не надеешься.

– Ха-ха-ха-ха-ха!..

Помощники уволокли мёртвого пленника. Следующий пленник даже бровью не повёл, смело ожидая, как со злобным шипением несётся сама смерть, выпущенная из рук бешено мчавшегося к роковой отметке всадника. Стрела мергена с тоненькими усиками точно попала в цель. Толпа возликовала.

– Пах, великолепно!

– Вот это мерген!

– Какой же молодец!

Модэ глянул на стоявшего рядом с ним Шанрыка и кивком головы указал на освобождённого пленника, который, отвязав с привязи коня, медленно вёл его на поводу, направляясь к ликующей толпе. Остряки тем временем решили позубоскалить и над ним:

– Вот, и для тебя нашёлся свояк.

– Ну-ка? Эй, батыр, иди сюда, свояченица моя вся от тоски извелась, чуть не умерла, скучая по тебе.

– А как ей не тосковать?! Думаешь, легко пришлось девице лежать в куйеке²³, ожидая мужа!

– Ха-ха-ха-ха-ха!..

Шанрык-батыр жестом дал знать освобождённому пленнику, чтобы тот следовал за ним. Когда они отделились от толпы, Шанрык посмотрел на него пристальным долгим взглядом. И тот вперил в него ответный взгляд, даже глазом не моргнул.

– Ты – татарин?

– Да.

– В каком звании?

– Я был тысячником.

– Почему не возвращаешься на родину?

– Теперь мне туда путь заказан. Я убил советника своего хана, который пытался отобрать у меня невесту, и сбежал. А потом попал к вам в руки.

²² Вторая младшая жена при живой старшей жене и последующие жёны.

²³ Войлочный предохранитель (фартук), надеваемый на барана-производителя для предупреждения преждевременной случки овец.

– Будешь служить нам верой и правдой?

Только что получивший свободу джигит, не веря своим ушам, смотрел на Шанрыка в полной растерянности. Он терялся в догадках, не зная, в шутку или всерьёз сделал такое предложение его неожиданный покровитель.

* * *

Хан Туман смотрел на восходящее солнце, краешек которого медленно выползал из-за горизонта, затем присел, прижав руки к груди, и поклонился ему. Этот ритуал повторили вставшие чуть позже хан Кушана и Модэ, военачальники и нукеры.

– О, Великое солнце, опора всего сущего, покровитель народа гуннов и всех кочевников, чьи жилища накрыты войлочными кошмами! От бед-невзгод нас убереги, пусть от жара твоего черпают жизненные силы старики, а молодые подрастают и становятся мужчинами. Пусть преумножится скот, и мир в народе царит, – произнёс молитву-благопожелание хан Туман и провёл ладонями по лицу. Остальные проделали всё это точь-в-точь вслед за ним. Он тут же встал и, обнимаясь, стал прощаться вначале с ханом Кушана, а затем с Модэ:

– Ну, счастливого вам пути! Да поддержит вас Владыка Небес Тенгри. Дадим знать друг другу о себе с наступлением лета, когда откочуем на жайляу²⁴.

– Пусть и у тебя будет всё благополучно. – в ответ пожелал хан Кушана.

– Долгих лет и здоровья тебе, Ханием. – сказал Модэ.

У порога дворца остались провожающие из ханского окружения. Хан Кушана и Модэ с сопровождающей их свитой направились к стоявшему посреди площади столбу для коновязи, где их ждали конюшие, держа на поводу коней. Когда вся кавалькада отъехала от ставки хана Тумана на порядочное расстояние, Модэ обратился к хану Кушана.

– Я съезжу к могиле матери. Вы пока езжайте без меня, потом я вас догоню.

Модэ поехал лёгкой рысью в сторону находившегося неподалёку кладбища. Уже на самых подступах к нему он слез с коня и стал подниматься на большой пологий холм. Возле одинокого балбала²⁵ он преклонил колени и погрузился в воспоминания далёких дней...

Ему лет двенадцать-тринадцать. Вот он забежал в двенадцатикрылую, отдельно стоящую юрту своей матери и положил голову ей на колени. Мать подлила какую-то синеватую жидкость в тостаган²⁶ с кумысом, тщательно перемешала и подала ему. Он залпом выпил содержимое тостагана. Затем мать отвела его за руку к деревянной кровати и усадила на неё. Спустя некоторое время он ощутил приятную истому, стал клевать носом, глаза его время от времени то закрывались, то открывались, и он медленно погрузился в neodолжимую дрему.

– Что ты мне дала, апа²⁷? У меня живот горит.

– Не бойся, сынок. Сейчас тебе станет лучше. Полежи немного.

Она уложила его в постель и начала гладить по голове. Модэ дёрнулся и побледнел.

– Апа, у меня внутри всё горит!..

– Сейчас пройдёт, сынок. Полежи.

²⁴ Летовка, летнее пастбище.

²⁵ Каменная баба, служившая надгробием.

²⁶ Круглая чаша.

²⁷ Обращение к матери.

Модэ перевернулся на бок и его начало рвать. Мать бегом принесла тазик и подставила к его рту. Модэ вырвало снова. Мать умыла его из рукомойника и совсем уже обессилевшего укрыла одеялом. Всё его тело обильно покрылось потом, и он, наконец, заснул. В юрте было уже сумрачно, когда Модэ проснулся. Мать всё ещё сидела возле него. Смотрела на него, слегка улыбаясь.

– Ну как, сынок, тебе полегчало?

– У меня болит голова.

– На, попей кумысу. Сейчас тебе станет легче.

Он испуганно взглянул на тостаган.

– Пей, жеребёночек. На этот раз я ничего тебе не подмешала.

Модэ приподнял голову, с трудом, мелкими глоточками выпил кумыс в тостагане и опять бессильно уронил голову на подушку. Лежал и не сводил глаз с матери:

– Апа, что ты подмешала мне в кумыс? Яд?

Ласковое выражение исчезло с лица матери и теперь она на него смотрела долгим серьёзным взглядом:

– Да, сынок.

– Зачем? Хочешь убить меня?

– Нет... Ты уже большой мальчик, слушай меня внимательно. Да, я на самом деле подмешала тебе в кумыс яду, но не затем, чтобы убить. Какая мать желает зла своему ребёнку? Я сделала это с другой целью.

Они смотрели друг на друга долгим безотрывным взглядом...

– Когда ты вырастешь и возмужаешь, то будешь править народом. Много врагов тогда появится у тебя. Кто-то попытается тебя убить. И если ты с этих пор начнёшь приучать своё тело к действию яда, то потом твои враги не смогут внезапно отравить тебя. Ты понял меня?

Сын молча и безотрывно смотрел на мать.

– Апа, я страшно мучился.

– Помучаешься сейчас, зато потом никакой яд тебя не возьмёт. Только крепко запомни, сынок – об этом, кроме нас с тобой, не должен знать никто. Два раза в месяц будешь пить это. Ну а сейчас лежи.

Она ласково погладила его по голове...

...Вот Модэ уже подросток. Он зашёл в юрту матери радостный, покрутившись возле неё, сел рядышком, прикоснулся лбом к её коленям в знак приветствия. Она, балуя его, нежно погладила по голове:

– Вставай, жеребёночек мой. Будешь пить кумыс?

– Апа, налей мне мой кумыс.

Мать ласково посмотрела на него:

– Не слишком ли мы зачастили с напитком, сынок?

– Нет, апа, так лучше. Хочу попробовать пить три раза в месяц.

...Мать лежала в постели при смерти. Модэ сидел возле неё на коленях. Мать нежно поглаживала его огромные кулачища и говорила с трудом, прерывистым голосом:

– Прощай, сынок... Ты возмужал... От врагов, что над тобой нависнут... ты в силах избавиться сам... Пусть Тенгри... всегда... хранит тебя... от внезапной смерти... Если иногда... будешь вспоминать... свою несчастную мать... я буду довольна... жеребёночек.

...Модэ, всё так же сидя у могилы, разгрёб снег у подножья балбала, выгреб горсть мёрзлой земли и рассыпал его рядом.

– Пусть земля тебе будет пухом, матушка. Пусть поддерживают тебя духи предков...

Он встал, медленно подошёл к коню и, развязав чембур, вскочил на жеребца и помчался вслед за своими спутниками.

* * *

Враг напал среди ночи на приграничный аул гуннов, только что прикочевавший на жайляу. Сожжённые юрты, плачущие дети, рыдающие женщины, паника, переполох... Один за другим падали наземь пронзённые копьями, порубленные саблями и огретые ударами палиц мужчины, выбежавшие на шум из юрт в одном нижнем белье и подштанниках. В один миг от аула осталось одно пепелище. Закованные в железные доспехи, до зубов вооружённые враги согнали, как стадо баранов, рассыпавшихся по степи женщин, стариков и детей в одно место.

– Эй, гуннские подонки! – дико орал, без конца поднимая своего коня на дыбы, один из врагов с лицом, закрытым платком, видимо, главарь. – Мы не будем резать вам глотки, словно баранам, как это делают ваши разбойники, не жалея ни стариков, ни молодых. Мы уничтожим только тех из вас, кто мужского пола и в состоянии владеть оружием. Передавайте привет хану Туману. Сегодня на рассвете мы живьём сдерём шкуру с его наследника Модэ и сошьём из неё тулуп! А из черепа вашего вздорного и чванливого хана сделаем горшок, в котором дети будут справлять нужду. Если он мужчина, то пусть выходит на бой с кушанскими героями! Два дня на размышление, иначе на третий день сами нападём на него!

Сказав это, он резко поворотил коня и растворился во мраке ночи. За ним в объятья непроглядной темноты устремились и его воины. Но ещё долго слышен был в степи топот уносящихся вдаль коней.

– Настоящий разбойник ты сам! – крикнула молодуха, державшая на руках ребёнка, едва только успел сказать последние слова главарь. – Мало того, что напал на нас под покровом темноты, так ещё и лицо своё платком прикрыл. Трус с заячьим сердцем!

Налётчики остановились, когда оставили за собой сожжённый аул уже далеко позади, и главарь стянул с лица платок. Слабое лунное сияние явственно высветило шрам от сабельного удара на его правой щеке.

– Скачите к горам! – приказал он своему отряду. – И ждите там, пока от меня не будет вестей.

Сам поехал в одну сторону, а его сподручные, чьи силуэты слабо вырисовывались на фоне звёздного неба, двинулись совсем в другую.

* * *

– Выступайте! – брызжа слюной, заорал в бешенстве хан Туман, находясь на грани потери рассудка. – В плен никого не брать! Истребить поголовно! Чтобы я больше не слышал о существовании такого народа, как кушаны! За Модэ не жалко будет убить каждого из них десятикратно!

– Повинуюсь покорно, Ханием, – сказал, прижав в поклоне скрещенные руки к груди, главный военачальник, стоявший у двери. Поклонились следом за ним и двое других. Лишь только два охранника с копьями в руках, стоявшие по обе стороны украшенной орнаментом в виде бараньих рогов двусторончатой резной деревянной двери шестнадцатикрылой белоснежной юрты, застыли, как изваяния.

– У меня просьба, Ханием, – сказала сидевшая по правую руку от Тумана его китайская жена. Хотя ей было уже за тридцать, но вела она себя с кокетливостью и жеманством восемнадцатилетней девушки.

– Говори! – грозно потребовал хан Туман.

– Я хотела, чтобы в этот поход отправился твой младший сын, Ханием, – с поклоном обратилась она. – Ему в нынешнем году исполняется пятнадцать лет. Пусть отомстит за старшего брата на поле брани.

– Ты – женщина! И не смей вмешиваться в военные дела! – отрезал хан Туман. – Будет жив, ещё во многих походах примет участие. Ну, отправляйтесь! Возьмите с собой войско из пяти туменов²⁸. Следом пошлю ещё два тумена. Да поддержит вас Владыка Небес!

– Да поддержит нас Тенгри! – дружно воскликнули густыми басами военачальники.

* * *

– Ханзада Модэ! Ханзада Модэ! – раздался в крошечной тьме чей-то громкий шёпот. Модэ, лежавший на соломе со связанными за спиной руками, перевернулся к стене. Кто-то суетливо ощупывал пол и стены.

– Сюда! Подойди поближе! – приказал ему Модэ уверенным требовательным голосом. Когда незнакомец, пригнувшись, приблизился к нему, он резко пнул его ногой в грудь, и тот упал на спину.

– Что, хотел исподтишка придушить меня в темноте?! – закричал он, глаза его при этом горели огнём. – А-а, убивать открыто боитесь, кровопийцы?!

– Тсс! – незнакомец приложил к губам указательный палец. – Не кричи, ханзада. Я пришёл спасти тебя.

– Хочешь помочь бежать, а когда побегу, выстрелишь мне в спину, поддонок! Зови начальника стражи! Живо!

– Прошу не кричи, повелитель. Ради Тенгри, не кричи, – взмолился ночной доброжелатель, – вначале выслушай меня. Меня послала к тебе мать. Она гуннская женщина, попала в плен в одном из набегов. Отец мой погиб в том сражении. Сам я один из конюших хана. Я выкрал из ханской конюшни сразу троих скакунов. Один из них – знаменитый аргамак Байгешубар²⁹. Если я тебя не выручу, то меня мать убьёт своими собственными руками. Она ждёт нас у берега реки. Надо торопиться, ханзада.

– А где караул?

– Обоих я уже уложил.

– Развяжи мне руки!

Парень-конюший разрезал кинжалом аркан, которым были связаны руки Модэ. Ханзада живо вскочил с места, некоторое время растирал онемевшие от тугих тисков аркана запястья рук и вдруг внезапно выхватил из рук конюшего кинжал, свободной рукой схватил того за шкирку, приподнял над землёй и швырнул к двери.

– Веди! – приказал он, задыхаясь.

Они осторожно и тихо открыли дверь и нырнули во мрак...

Женщина, ожидавшая их у тополиной рощи, поклонилась Модэ. Неподалёку слышался шум реки. Они втроём, ведя коней на поводу, направились к реке.

– Ханзада, я обмотала копыта лошадей войлоком. – сказала женщина. – Если мы поскачем прямо сейчас, никто не услышит топота коней.

– Через реку переправимся вплавь. – коротко отрезал Модэ. – Когда выберемся на тот берег, главное не потерять друг друга из виду.

– Покорно повинемся, ханзада, – ответила женщина. – На всякий случай я захватила вот эту саблю, подумала, может, понадобится. Конечно, она недостойна того, чтобы её носил ханский сын, но всё же возьми.

²⁸ Тумен – подразделение, состоящее из десяти тысяч воинов.

²⁹ Буквально «байговый скакун чубарой масти».

Модэ принял из рук женщины саблю и, ухватив рукой нижнюю часть узды под подбородком коня, стал переходить через реку вплавь. То там, то здесь мелькали в воде три силуэта, медленно относимые течением реки. Модэ, выбравшийся первым на противоположный берег, вскочил на коня, который зафыркал, отряхиваясь от воды, подхватил за поводья коня с трудом выбравшейся из воды женщины и наотмашь ударил саблей её прямо в лоб. Несчастная женщина лишь слабо вскрикнула «ах», и кровь залила ей лицо. Последний раз блеснул в её глазах лунный свет, и она, пройдя, пошатываясь, два или три шага, с гулким шумом упала в реку. Сына её постигла та же участь. Луна, будто ужаснувшись ещё одному кровавому происшествию того жестокого и немилосердного времени, невольной свидетельницей которого она стала, скрылась за тучами. Едва различимый в темноте силуэт одинокого всадника, ведущего на поводу двух коней, медленно скрылся во мраке ночи. Словно рассердившись на людскую безжалостность, речные волны буйно накатывались на песчаный берег.

* * *

Двенадцатикрылая юрта китайской жены хана Тумана так поражала воображение роскошеством мебели, что, войдя в неё, не хотелось оттуда выходить. Решетчатые стены юрты – кереге были сплошь увешаны дорогими коврами, на которых висели миниатюры китайских художников и различные иероглифы. Справа от входа стояла широкая и длинная деревянная кровать, на которой могли бы свободно уместиться шесть человек. Прямо напротив неё стояли различные шкафчики и сундучки изящной работы. На адалбаканах висело множество красиво сшитых одежд самого различного покроя. В светильниках, свисавших в нескольких местах по всему кругу юрты, горел огонь. Возле круглого невысокого столика на пуховой перине возлежала сама ханум³⁰. Рядом сидел её сын и заострённым кончиком гусиного пера что-то вычерчивал на бумаге.

– Сын мой, у тебя есть то, в чём ты превосходишь и своего отца, и покойного брата Модэ. Это – твоя грамотность. Запомни, твоя мать не дикая дочь варваров-гуннов, которая росла и паслась вместе со скотиной в этой глухой, богом забытой степи, а дочь известного сановника и аристократа Срединного царства империи Цинь. Поэтому ты должен, как жеребёнок, сосущий вымя двух матерей, впитать в себя лучшие качества, присущие обоим народам. Если ты от отца переймешь воинственность и щедрость, а от матери знатность и образованность, то в этой степи вряд ли найдётся правитель, превосходящий тебя. Избавь нас от бед и невзгод, но, если в один из дней твой хан-отец по каким-либо причинам покинет нас, ты станешь хозяином престола. Поэтому ты уже сейчас должен чувствовать себя будущим хозяином ханского трона. А на то время и Срединное царство не будет смотреть на тебя искоса, ведь они твои нагаши³¹. В мире должно быть всего лишь два властителя. И одним из них станет мой сын!

При последних словах ханум с особой гордостью посмотрела на сына.

Однако сын остался к словам матери совершенно безучастным, всё так же увлечённо записывая что-то на бумаге.

– Почему ты молчишь, сынок?

Он поднял голову и с лёгкой улыбкой взглянул на мать:

– Если сказать по правде, у меня нет никакого желания править народом.

³⁰ Жена хана.

³¹ Родственники по линии матери.

Создать ханство достоин был лишь один человек – это мой старший брат Модэ. Он был незаурядным батыром, да и ума у него палата. Как жалко, что он неожиданно погиб! Увы!..

На лицо ханум легла печать разочарования и досады. Она с грустью посмотрела на сына и поднялась с места:

– Что там ни говори, но мёртвого, увы, не воскресишь. Смерть твоего старшего брата Модэ сильно опечалила и меня. Что поделаешь, такова, видно, была воля небес. Но живые не должны жить в постоянной скорби, они должны продолжать заниматься своими делами. Жениться тебе ещё рано, не обижай девушек, которые пришлось тебе по нраву, ты же мужчина, не сиди, уткнувшись в бумаги, а лучше попытайся заняться делами, достойными мужчин. Ну, хорошо, иди к себе, а то уже поздно.

Когда сын её вышел, она разделась и облачилась в мужскую одежду, а затем позвонила в колокольчик, висевший у стены над её ложем. Вошёл бывалый, средних лет китаец крупного телосложения и подобострастно склонился перед ней.

– Эй, евнух, кони готовы?

Евнух утвердительно кивнул головой и вновь поклонился ей.

– Чтобы топота коней не было слышно.

Евнух вновь поклонился ей.

– Погаси светильники.

Во мраке ночи средней рысью неслись сквозь лес двое всадников: один маленький, почти крохотный, другой огромного роста. Они осаждали коней у большого дуба, спешили и, привязав чембуры к ветвям дерева, стали чутко прислушиваться к звукам. Спустя некоторое время неподалёку возник чей-то пеший силуэт. Он то и дело останавливался возле каждого дерева, замирал на мгновение и шёл дальше. Когда он уже подходил к ним, ханум окликнула его:

– Иди сюда.

Неизвестный вздрогнул и притаился в кустах. Ханум вновь подала голос:

– Не бойся. Военачальнику трусость не к лицу.

Только после этого человек подошёл, склонился в почтительном поклоне и присел на колени:

– Приказ твой выполнен неукоснительно, великая ханум.

– Где твои спутники?

– Я отправил их в горы. Они будут там, пока я им не дам знать.

После недолгого молчания ханум заговорила опять:

– У вас были потери? Не оставили там убитых или раненых?

– Тенгри поддержал нас, великая ханум. Я не потерял ни одного из своих салтаттов³².

– Ты пришёл сюда один?

– Как и договаривались, великая ханум. Иначе, если кто-то посторонний увидит, что я стою рядом с вами, то ведь могу лишиться головы.

– Мне твоя голова ни к чему, разве что дикому зверью.

– А-а? – спросил он, ничего не понимая. В тот же момент немой евнух, стоявший позади него, наклонился над ним и нанёс ему удар кинжалом в спину, прямо между лопаток. От коварно нанесённого удара несчастный тяжело застонал и, бессильно уронив голову на грудь, вскинул обе руки к небу и упал навзничь. Лунный свет, блеснувший из-за туч, словно пытаясь выяснить личность несчастного, упал вначале на лицо убитого, на правой щеке которого

³² Салтатты – конный воин. Современное слово «солдат» произошло именно отсюда

темнел шрам, потом скользнул по носку сапожек ханум, которая слегка поддела ногой бездыханную голову, а затем игриво поднялся по её фигурке, пока не задержался на её гордом и высокомерном красивом лице.

– Уходим, евнух.

Развязав чембуры, двое вскочили на коней и поскакали средней рысью назад по своим следам.

* * *

Утром следующего дня две армии встали войском друг против друга на расстоянии, недостижимом для стрел. Между ними, на открытой площадке с травой, доходящей до колен, проходили традиционные перед началом битвы единоборства батыров. Вот с каждой из сторон навстречу друг другу стремительно помчались два батыра с копьями наперевес. Они столкнулись с таким грохотом, что, казалось, ещё чуть-чуть – и щиты разобьются в щепки, а кольчуги разорвутся в клочья. Армии замерли, наблюдая за поединком в такой глубокой тишине, что слышно было поскрипыванье седел, лязг, грохот и скрежет щитов, копий, доспехов... Наконец, один из воинов упал с коня, а второй вскинув к небу копьё, издал на всю округу ликующий воинственный клич, взывающий к духам предков. Потом рысью вернулся к первым рядам своего войска, поймал на скаку щит, брошенный кем-то из соратников, и вновь выступил на середину ристалища. И вот уже с противоположной стороны понёсся к нему вскачь с боевым кличем и вращая саблей над головой другой батыр. В это время вдруг на ближайшем холме возник всадник, ведущий на поводу двух коней. Воины с обеих сторон недоумённо повернулись в его сторону, гадая, кто же это может быть. А поединок в самом центре ристалища снова завершился в пользу воина с копьём. Вначале они кружились по кругу, пытаясь поразить друг друга. Но когда один из них упал с коня, батыр, второй раз кряду одержавший победу, потрясая копьём, несколько раз устрашающе прокричал на всю округу. Третим против этого копыеносца вышел Шанрык. В это время одинокий всадник спустился с холма и направился в сторону гуннского войска. Одной рукой вращая огромной палицей, Шанрык устремился на противника, словно гончая на зайца. В это время гунны, узнав приближающегося к ним всадника, громко закричали: «Ханзада Модэ!». Отвлечённый этим шумом, Шанрык оказался застигнутым врасплох: копые кушанского батыра воткнулось в его правое плечо, и он повалился туловищем прямо на круп скакуну. Он попытался выпрямиться в седле, как вновь повалился, но уже теперь вперёд, едва успев зацепиться руками за гриву. Умное животное не оставило на поле брани своего хозяина и с пронзительным ржанием рысью помчалось к своим. Нахмутив брови, разъярённый Модэ вырвал у стоявшего рядом воина копьё и вихрем помчался на кушанского витязя. И тот не оробел, злобно стиснув зубы, решительно поскакал ему навстречу. Уже приближаясь к врагу, Модэ концом копья стал производить круговые движения, словно собираясь обвить его копьё, а затем вдруг молниеносно вскинул оружие вверх. Рука врага взлетела вверх и отпустила копьё, которое отлетело далеко в сторону. Модэ резко развернул Байгешубара назад, и когда пришедший в замешательство вражеский воин успел-таки вытащить из ножен саблю и устремился к нему навстречу, уколол его в грудь копьём. Тот, вскинув руки, безжизненно свесился с коня... Со стороны кушанцев выскочил, размахивая саблей, ещё один батыр. Раздавшийся с обеих сторон клич «Жекпе-жек!»³³ раскатисто и мощно прокатился по всей округе. Модэ воткнул копьё в землю и тоже выта-

³³ Поединок, буквально «один на один».

щил саблю из ножен. Сабля Модэ, чьи глаза возбуждённо горели как молния, сверкнула на солнце и мелькнула в воздухе лишь один раз: расколовшийся пополам шлем противника разлетелся в разные стороны и с глухим звоном упал наземь. Голова кушанского батыра, безжизненно свисавшего с коня, была разрублена надвое.

Трижды игриво и задиристо проскакал Модэ перед неприятельским войском, но никто уже не осмелился принять вызов. Ханзада подскакал к своей армии и, развернувшись, вскинул саблю к небу. Постояв так несколько мгновений, он прокричал: «Алга!³⁴» и бросился на вражеское войско. Тут же за ним лавиной устремилось многотысячное войско гуннов. И началась кровавая сеча...

* * *

В ставке хана Тумана над входом в две обособленно стоящие двенадцатикрылые юрты были прикреплены куски чёрного бархата. В обоих домах обе жены Модэ оплакивали его смерть песней-причитанием – жоктау. С ними вместе плакали по пять-шесть рабынь в каждой юрте. Вот к окраине ставки подскакал всадник, быстро спешившись с коня, привязал чембур к верёвочной коновязи и побежал к дворцу. При входе, скрестив свои копыя прямо перед его носом, остановили его два стражника.

В тронном зале дворца восседали хан Туман, его китайская жена, младший сын и советники. Вошёл стражник и с поклоном обратился к хану:

– Ханием, прибыл гонец.

– Впусти.

Вошёл гонец, склонился в поклоне и упал на колени. Затем поднял голову, прижал руки к груди и, склонив голову, сказал:

– Суюнши³⁵, Ханием! Ханзада Модэ жив!

Хан Туман крепко сжал руками подлокотники трона и медленно поднялся с места. Глаза его были широко раскрыты:

– А-а... – произнёс он растерянно. Лицо младшего сына озарилось радостью, а по лицу грациозной сидящей ханум, которая обмахивалась веером, пробежало лёгкое волнение.

– Жив, Ханием! Ханзада Модэ жив! Ближе к полудню он приехал на скакуне кушанского хана Байгешабаре с двумя конями и во главе войска участвовал в битве.

– А где он? Где он сам?!

– Он едет, Ханием. Рядом с ним и главнокомандующий, и туменбасы. Мы наголову разбили пять туменов кушанцев.

– О, Тенгри, я благодарен тебе! – воскликнул хан Туман и воздел руки к небу. Все присутствующие возликовали.

– Да будет принесена жертва! Аксарбас! – воскликнула ханум, чуть ли не плача, и тоже воздела руки к небу.

Вошёл начальник стражи:

– Ханзада Модэ едет сюда.

Все высыпали во двор. Ханум сняла с себя один из браслетов-блезиков, инкрустированных драгоценными камнями, и вручила гонцу.

– Вот тебе суюнши, всегда приноси радостные вести.

Конюшие, подхватив поводья коней, с которых на окраине ханской ставки спешили Модэ и военачальники, стали их привязывать к большому коно-

³⁴ Вперёд.

³⁵ Подарок за радостную весть.

вязному столбу. Во главе встречающих, вышедших к ним, шествовал сам Туман. Приближаясь, Модэ поклонился в знак уважения. Его спутники тут же последовали его примеру.

– В добром ли ты здравии, Ханием?

– Жив ли ты, здоров ли, сын мой? – раскрыл свои объятия хан Туман. В тот же миг глаза Модэ затуманились, и перед его мысленным взором возник хан Кушана и слова, сказанные им...

Хан Кушана сидел на троне в окружении военачальников и советников, его взгляд был вперен в Модэ, стоящего со связанными за спиной руками между двумя стражниками:

– Тебе известно, что такое совершить набег, когда в качестве аманата выступает наследник трона?! Если это тебе неизвестно, то об этом хорошо знает твой отец, который нарушил обещание и вероломно напал на мирный народ...

Модэ побледнел при воспоминании об этом и вновь поклонился своему отцу.

– Благодаря покровительству Небесного Владыки Тенгри я вернулся целым и невредимым, Ханием.

Туман обнял его и крепко прижал к своей груди. Выражение на лице Модэ оставалось при этом суровым и одновременно отрешённым.

* * *

Когда Модэ вошёл в свой Большой отау³⁶, навстречу к нему с глазами, полными слёз, вышла байбише – старшая жена и, присев на колено, обняла его за ноги. Модэ наклонился, помог подняться, подхватив её за подмышки, и понюхал её в лоб.

– Вы, наверное, и похоронить меня успели?

– Многих тебе лет, мой повелитель. Тысяча благодарностей Тенгри! Тысяча благодарностей!.. Гонцы ведь пришли с такой вестью. Сообщили, что враги уничтожили целый аул, а наутро обещали убить тебя. Свёкор-хан горевал очень сильно. Приказал всему народу скорбеть и держать по тебе траур.

– Ну, довольно. Похоже, ты искренне горевала по мне.

– Ты думаешь, мне было легко, мой повелитель? Даже хотела руки на себя наложить, да вот Кюйена не хотела осиротить.

– А где этот щенок?

– Спит. С тех пор как стал ходить, никак не уgomонится, видно, устал.

Модэ подошёл к спящему сыну и понюхал его в лоб. Тот перевернулся во сне и засопел. Робко отворив дверь, в юрту вошла токал и, обняв Модэ за ноги, поцеловала ему колено. Он лишь вскользь погладил её по голове. От радости встречи с мужем, которого ещё недавно считали погибшим, глаза женщины озарились живым светом; с довольным видом она присела в сторонке у стены.

– Подай мне кумысу.

Байбише вынесла ему из чиевой перегородки у самого порога, служившей кухней, золотой тостаган, наполненный кумысом. Модэ, неторопливо потягивая кумыс, смотрел на обеих жён внимательным и пытливым взглядом. Токал, которую он выбрал из лучших гуннских красавиц, застенчиво сидела со слегка опущенной головой, глядя в пол, но время от времени бросала на него страстный взгляд. Модэ освободил тостаган, прилёг на перину и обратился к жёнам:

– Идите. Вечером будем трапезничать с Ханиемом.

...На вершине холма пировало ханское окружение. Для защиты от солнца сделали навесы из китайских шёлковых полотен, натянутых на высокие шесты. На золотом троне, установленном на шерстяном ковре, с толщиной ворса в це-

³⁶ Юрта молодых; здесь – юрта старшей жены Модэ.

люю пядь, сидел хан Туман. На звериных дублёных шкурах, постеленных поверх ковров, ниже него устроились ханум, сыновья, военачальники с советниками, их жёны и дети. Неустанно суетились слуги с косынками на головах, чтобы вовремя обновлять на круглых низких столиках, накрытых шёлковыми скатертями с бахромой фрукты, различные яства, мясные блюда, вино и кумыс. Лица пирующих сияли от радости и веселья. Главный военачальник рассказывал хану Туману подробности вчерашней битвы:

– Итак, враги, устрасясь беспримерной отваги ханзады Модэ, вовсе пали духом и были окончательно сломлены. Там же, на поле брани, мы уничтожили больше половины их пятидесятитысячного войска, остальных взяли в плен. Мы хотели было казнить всех до единого, как ты и повелел нам перед битвой, но ханзада не согласился с таким решением. Тогда мы их полностью разоружили и, посадив по двое на коней, отправили восвояси.

– Даже потерпевшего поражение врага не следует щадить, мой сын, – сказал хан Туман, медленно и степенно попивая кумыс из золотой пиалы. – Ты – будущий хозяин этой страны. А если у хана будет мягкое сердце, то и воины под его началом потеряют свою силу. Тебе надо помнить об этом всегда.

– Я лишь выполнял твоё повеление, Ханием, – ответил Модэ, прижимая к груди левую руку. – Ты приказал ради мести за мою смерть не брать никого в плен и истребить всех до единого. Но так как я вернулся живым, то и надобность в их уничтожении отпала.

– Да, Ханием приказал уничтожить всех до единого за твою смерть, – подержал его один из советников.

– Но когда-нибудь они снова сядут на коней, – вставил своё мнение главный военачальник. – И ясно, что тогда они постараются сполна отомстить нам за вчерашнее поражение. Ханием утверждает верно, врага никогда не надо жалеть.

– Самые отчаянные и доблестные храбрецы среди них погибли там же, на поле брани, – возразил на это Модэ. – А разве могут быть стоящими воинами трусы, бросившие своё оружие и сдавшиеся на милость победителю? И отныне при виде гуннских воинов у них будут дрожать колени, трястись руки, и в голове у них будет лишь одна мысль, как бы спастись и поскорее унести ноги. К тому же они внесут смятение и панику в ряды своего же войска и обрекут его на новое поражение.

Хан Туман остался доволен рассуждениями сына и посмотрел на него с удовлетворением и отеческой теплотой:

– Не только силой ты можешь похвастать, но и зрелым умом, сын мой. Ты достиг того возраста, когда вполне достоин руководить войском и править народом. С сегодняшнего дня назначаю тебя туменбасы.

– Повинуюсь покорно, ханием, – поклонился ему Модэ. Ханум вперила в него пристальный взгляд. Остальные одобрительно приветствовали решение хана.

– У меня есть одна просьба, ханием. Хотел бы отдохнуть до осени и побыть в горах. Разреш и войску моему быть при мне.

– Разрешаю, сын мой.

Модэ вновь поклонился отцу.

* * *

Туман Модэ на открытой площадке у подножья гор упражнялся в искусстве ведения боя. Сам же ханзада в сопровождении Шанрыка, правая рука которого висела на перевязи, перекинутой через шею красивой токал с родинкой на левой щеке, придававшей ей особое очарование, и несколькими нукерами объезжал своё войско. Опытный мастер сабельного боя хвалил джигита, срезавшего на скаку две-три ветки, привязанные к шесту поперёк:

– Хорошо! Вот так и надо рубить!

После попытки следующего джигита ветки не были срублены, а рассыпались в разные стороны. Мастер тут же набросился на него с упрёками:

– Эй, глупец! Сколько раз тебе повторять, рубить надо наотмашь, когда передние ноги коня коснутся земли, да так резко, чтобы начисто срезать вражью шею! Конь и человек должны двигаться одновременно. Нет, из тебя рубаки не выйдет. Ступай к лучникам или к тем, кто искусно управляется с копьём. Прочь отсюда!

Другая группа, разбившись на пары, обучалась приёмам владения копьём в поединках «жекпе-жек». Одни наносили удары тупым концом копья, а другие защищались от их ударов щитами.

Лучников обучал уже знакомый по состязанию во время пира тысячник. Младшая жена Модэ выехала на отметку и послала стрелу прямо в цель. Свита Модэ и стоявшие на поле лучники одобрительно зашумели:

– Многие лета тебе, младшая ханум!

– Вот это стрелок!

– Младшую ханум надо поставить вместо мынбасы!

Мынбасы метнул злобный взгляд на того, кто произнёс последние слова, и уже готов был наброситься на него с кулаками, как вдруг замер, увидев, что к нему приближается Модэ.

– Мынбасы! – строго обратился к нему ханзада. – Хватит любоваться на стрельбу умелых мергенов, обучи лучше тех, кто не умеет обращаться с луком. В моём тумене таких не должно быть.

– Повинуюсь покорно, ханзада. Но таких осталось совсем мало. До новолунья поднатаскаю и их, чтобы стали хорошими лучниками. С тех пор, как мы здесь, больше половины тумена уже обучены.

Свита Модэ направилась к кузнице. Перестук молотков, лязг металла и шумное дыхание нагнетающих воздух в горне мехов при её приближении сразу же замолкли. Весь мокрый от пота, голый по поясу кузнец вышел из кузни и преклонил голову перед знатными особами. Дочь его выглядывала из-за дверного косяка.

– Как идут работы? Ученики твои, наверное, уже научились изготавливать стрелы?

– Научились, ханзада. Сейчас уже десять человек вместе со мной выковывают наконечники.

– Сколько дней потребуется, чтобы обеспечить стрелами весь тумен?

– Если прикинуть, что каждому воину положено по двадцать стрел, – сказал, почёсывая затылок, кузнец, – то более двух месяцев.

Модэ разъярённо заорал на него:

– Я тебя спрашиваю сколько дней, а не месяцев!

– Прости, мой повелитель. – склонил голову кузнец. – Раз так... Раз так, то нужны ещё люди. Помимо кузнецов, нужны те, кто бы меха поддувал в горне, носил железо и уголь, всего нужно человек семьдесят-восемьдесят, мой повелитель.

– Дам тебе сто человек. За сколько дней тогда закончишь?

– За две недели, мой повелитель... Не-ет, три недели. За двадцать дней будет всё готово.

Взгляд Модэ упал на дочь кузнеца.

– Дочь твоя всегда при тебе?

– Она мне помогает, мой повелитель. Сызмальства росла на кузне, без неё мне жизнь не мила...

– Выходи!

Эти слова были обращены к девушке. На ней было лёгкое платье, на голове красовалась тубетейка, расшитая узорами, а то, что она уже в самом соку, выдавали вполне уже созревшие груди и заметно округлившиеся бёдра. Пока она стояла, скрестив руки на груди и склонив голову в поклоне, ненасытные глаза ханзады внимательно и с похотливой жадностью ощупывали каждый изгиб её соблазнительного тела. Она была сильно смущена и ощущала лёгкий трепетный испуг, но в то же время обрадовалась, что на неё обратил внимание самый знатный после самого хана человек. Лицо её озарилось каким-то лучезарным светом. Модэ обернулся к токал:

– Вечером приведёшь её к нам.

Та молча кивнула головой. Свита Модэ развернулась в обратную сторону.

* * *

В шестикрылой юрте-отау, которую брал с собой в походы Модэ, три рабыни младшей ханум обступили со всех сторон коленапреклонённо сидящую на деревянной кровати голую дочь кузнеца и тщательно умащали её тело благовониями. Умастив шею и грудь, обе лопатки, место за ушами и шею, накрыли её тонким шелковым халатом. Теперь они принялись заплетать ей косы и подкрашивать брови. Девушка, похоже, не скрывала своей радости.

– Апке³⁷, – обратилась она к младшей ханум, которая грациозно возлежала на перине возле резного жукаяка³⁸, подложив под бок пуховую подушку, – я боюсь... Это не больно?

– Нет, – ответила та, еле скрывая насмешку, – ни капельки не больно. Иначе кто бы стал замуж выходить. Тебе просто будет очень приятно.

– Выходит, повелитель собирается жениться на мне? Или же ...

– Да, запросы у тебя большие! – насмешливо ответила ей токал. – Если бы он стал жениться на таких, как ты, то половина гуннских девушек ходили бы в женах у повелителя. Время твоих утех – всего одна ночь.

– А что потом? – испуганно взглянула на неё девушка. – Что будет потом?

– Как что? Потом выйдешь замуж за одного из многих, как ты, голодранцев. Да и то, конечно, если найдётся ещё, кто захочет на тебе жениться.

До девушки только сейчас дошло, что над ней издеваются, она переменялась в лице. В глазах её вспыхнула на миг некая искорка, но она тут же стала по-прежнему кроткой.

– И запомни, красotka, – посмотрев на неё с презрением и выражением полного равнодушия на лице, сказала токал, – я тебе не апке. Я – ханум этой страны.

– Прошу простить меня за дерзость, Младшая ханум, – с невинной кротостью в голосе ответила ей девушка. В это время ей уже заплели косы.

– Когда сюда войдёт повелитель, отвернись от него вполоборота и сиди смиренно с опущенной вниз головой, – строго приказала токал. – Если ему не понравится твоё поведение, тотчас лишишься своей головы.

– Поняла, Младшая ханум, – покорно ответила девушка, словно смиряясь со своей судьбой. Токал и рабыни вышли из юрты.

...Войдя внутрь, Модэ снял чапан и доспехи, повесил их на адалбакан и решительным шагом подошёл к девушке. Дыхание у неё участилось, а плечи задрожали. Она запахнула халат и уткнулась взглядом под ноги. Модэ стянул с себя и рубаху, бросил на постель и, схватив правой рукой за плечи съёжившуюся, словно беззащитный зайчонок, девушку, притянул её к себе. Девушка

³⁷ Обращение к старшей сестре или родственнице старше на несколько лет.

³⁸ Деревянная подставка на ножках для постельных принадлежностей в юрте.

боялась оторвать взгляд от пола. Он приподнял другой рукой её подбородок и с улыбкой посмотрел на её сверкающие в обрамлении изогнутых ресниц очи. Испуганно глядя на Модэ своими округлившимися глазами, она через силу заставила себя улыбнуться в ответ. Ханзада нежно стянул с неё халат и прижал к себе. На лице девушки пунцово вспыхнул огонь страсти. В миг от её стеснительности не осталось и следа, она ласково, словно кошечка, в томной неге потёрлась об Модэ.

Ханзада вскочил с постели, задул все горевшие в юрте светильники, кроме двух, висевших у дверного косяка, снял сапоги и брюки и в брезжащем свете лампад остался в одних бязевых подштанниках. Крепко и пылко обняв девушку за плечи, стал страстно стискивать твёрдые чаши её выпуклых грудей. Девушка тяжело застонала...

– Мой повелитель, погоди немного, – сказала она возбуждённо.

– Ты что-то хочешь мне сказать? – Модэ с любопытством посмотрел на неё. Девушка замешкалась на некоторое время, словно раздумывая, сказать или не сказать, в глазах её застыло выражение безысходной безнадёжности, а во взгляде читался испуг.

– Ну, говори, говори же, – сказал Модэ, слегка улыбаясь.

– Повелитель, ты... женишься... на мне? – запинаясь, выдавила из себя девушка.

– А? Что ты сказала? – переспросил Модэ и, пристально вглядываясь в её глаза, громко рассмеялся. Девушка насторожилась – не испортила ли она этим всё. От души посмеявшись, Модэ вдруг вмиг замолчал.

– У тебя есть любимый? – шёпотом спросил он у девушки.

Её глаза часто заморгали.

– Нет, – ответила она еле слышно.

– Завтра сведу с любимым понравившимся тебе джигитом из моего тумена.

Девушка в испуге резко схватила за руку ханзаду.

– Нет, мой повелитель, не нужно... Ради Тенгри... Повремени.

– Каждая совершеннолетняя гуннская девушка должна выйти замуж и родить ребёнка. Или же ты против того, чтобы численность гуннских воинов увеличилась?

– Нет-нет, мой повелитель, нет. Это не так. Я о другом тебе хотела сказать. Я... можно буду... возле тебя?

Модэ снова рассмеялся до самых колик в животе. Что до девушки, то она, опьянённая своими взбалмошными грёзами, с печатью сладостного ожидания на лице, с жалостной искоркой надежды смотрела на Модэ.

– Ну и не женись, мой повелитель. Достаточно и того, чтобы я была возле тебя. Буду служанкой у одной из ханум. Лишь бы только видеть тебя. Какой красивый у тебя смех... Я впервые вижу, как ты смеёшься.

И вдруг девушка поняла, что все её просьбы и мольбы напрасны и безответны, и резко замолчала.

Модэ ласково прижал её к себе:

– Таких, как ты, никакая ханум в служанки не возьмёт. Ну хорошо, с завтрашнего дня ты будешь моей канизак³⁹.

Модэ начал стискивать и сжимать её в своих объятиях, словно беркут, впившийся когтями в зайца. Приглушённый голос юной красавицы перешёл в тихие сладострастные стоны...

2008

Перевод с казахского Романа ТОКБЕРГЕНОВА

Продолжение в № 01, 2025

³⁹ Служанка в ханском дворце и одновременно наложница.